

Ухтомский Эспер Эсперович

**Путешествие на Восток его Императорского
высочества государя наследника
цесаревича, 1890-1893**

Том 2

УДК 379.85
ББК 75.81
Э85

Э85 **Эспер Эсперович У.**
Путешествие на Восток его Императорского высочества государя наследника цесаревича, 1890-1893: Том 2 / Ухтомский
Эспер Эсперович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 483 с.

ISBN 978-5-519-78533-4

ISBN 978-5-519-78533-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ВЪ БЕНАРЕСЪ.

..... Asia! thou Light of Life!
Shadow of beauty unbeheld!
(Shelley Prometheus Unbound.)

Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ пребываетъ въ самомъ любопытномъ городѣ Азіи. Центры ассиро-вавилонской, египетской и эллинской культуры давно померкли, отчасти стерты съ лица земли, только очами и устами археологовъ глясятъ о древнихъ, почти доисторическихъ формахъ человѣческаго культурнаго быта: одна дравидо-арійская Индія, отраженная и олицетворенная бенаресскими богомольями у священныхъ струй «небороднаго» Ганга, полна вѣчной тайны и вѣчнаго жизненнаго трепета, искони жаждетъ Божественнаго свѣта и томится предъ бездушнымъ мракомъ идоложреческихъ храмовъ, относится къ сверхчувственному міру съ вѣрой ребенка, но суровымъ стоицизмомъ дикаря.

Бенаресъ! Наименованіе, благоговѣнно повторяемое и чтимое сердцами сотенъ миллионовъ! Окаменѣлый прообразъ страны, на ряду съ которымъ тысячелѣтія Дэли — одинъ день бытія обитающихъ надъ Гималаями боговъ! Стоитъ припомнить, что лѣтописныя баснословія буддистовъ заставляютъ 84,000 монаховъ, потомковъ мудраго царя Асоки (Владимира Красное Солнышко индо-туранской старины), непрерывно править «во святомъ Варанази».

Названіе города объясняется двояко: или прозвищемъ раджи Банаръ, отстроившаго громадный разрушенный центръ восемьсотъ лѣтъ назадъ, или слияніемъ близъ него съ водами Ганга двухъ окаймляющихъ столицу шиваизма рѣчекъ Варана и Ази. Последнее, впрочемъ, менѣе вѣроятно.

Древнее и донинѣ уцѣлѣвшее имя ея — «Касп» (блестящая, великолѣпная). Хотя свѣтлый царевичъ-аскетъ Шакьямуни начало проповѣди своей положилъ въ окрестностяхъ современнаго Бенареса и еще въ V—VII вѣкахъ нашей эры китайскіе пилигримы притекали сюда поклоняться памятникамъ излюбленной ими чужеземной религіи, воздвигнутымъ на мѣстѣ основной дѣятельности «учителя», — городъ всетаки преимущественно и даже почти

исключительно оставался и остался во власти браминовъ, создавшихъ себѣ тутъ въ нѣкоторомъ родѣ очагъ глубокаго знанія и соотвѣтственнаго вліянія на несмѣтныя толпы пришедшаго и кореннаго населенія.

Черезъ нѣсколько часовъ Августѣйшіе путешественники приступятъ къ обзорѣннѣ здѣшнихъ достопримѣчательностей. Пока же, свыкаясь съ неудобнымъ и по характеру какъ-бы нежилымъ мрачно-сыроватымъ «домомъ для гостей» туземнаго махараджи, невольно озираешься на наше тридцатидвухдневное странствованіе по азіатскому материку и на порогѣ этнографически новаго міра, — такъ-сказать составляющаго переходную ступень къ Небесной имперіи съ ея гигантскими полувассальными окраинами на юго-западѣ, — мысленно представляешь себѣ въ общихъ чертахъ ясную судьбу недавно покинутаго собственнаго Индостана. Это — тѣмъ болѣе кстати, что до сихъ поръ, при посѣщеніи и осмотрѣ черезчуръ тронутыхъ цивилизаціей (вродѣ Бомбея) или же, напротивъ, не въ мѣру обособленныхъ по духу городовъ (вродѣ Джодпора), соображенія культурно-историческаго, а подавно и политическаго свойства естественно отстранялись сами собой на второй планъ. Однако постепенно, чѣмъ сознательнѣе въ дорогѣ вырабатывается взглядъ на Востокъ, — вѣяніе его жизни, его культа и затаенной безсмертной мощи такъ и просится въ душу, такъ и чаруетъ невыразимой скорбной прелестью. Гдѣ, если не въ Бенаресѣ, умѣстно вспомнить хотя бы слѣдующую характеристику неподвижной Азіи?!

Въ тебѣ потокъ временъ, стирающій народы,
Надъ бездной зла и тьмы стихаетъ и молчитъ, —
А призракъ красоты, блаженства и свободы
Изъ вѣчности встаетъ, тускнѣетъ и бѣжитъ.

Но думать, будто двѣ трети человѣчества, именно въ силу какого-то фатализма и прирожденной косности, чуть-ли не вѣчно нѣмы и мертвы, чуть-ли не сказали своего послѣдняго слова на аренѣ міроваго развитія и міровыхъ событій, противорѣчило бы дѣйствительному положенію вещей: намъ — русскимъ особенно важно и любопытно вникнуть въ несостоятельность подобнаго обобщенія западниковъ, ибо наше прошлое и прошлое самой типичной восточной страны (Индіи) до мелочей сходны и родственны, одинаково смутны и печальны въ матеріальномъ отношеніи, въ совершенно равной мѣрѣ заключаютъ въ себѣ залогъ обновленнаго будущаго и увѣренной борьбы за свои исконныя права. Согласиться съ тривиальной европейской точкой зрѣнія на инородческіе міры, значитъ подписать жалкій приговоръ самимъ себѣ, какъ государству и какъ племени съ преобладающими надъ всѣмъ остальнымъ мистически окрашенными высокими идеалами. Тамъ, за Алтаемъ и за Памиромъ, та же неоглядная, неизслѣдованная, никакими еще мыслителями не сознанная допетровская Русь съ ея непочатой ширью преданія и неизсякающей любовью къ чудесному, съ ея смиренной покорностью насылаемымъ за грѣховность стихійнымъ и прочимъ бѣдствиямъ, съ отпечаткомъ, наконецъ, строгаго величія на всемъ своемъ духовномъ обликѣ.

Сближеніе туземцевъ Индіи съ русскимъ простонародьемъ многими должно быть сочтено тенденціознымъ, почти невѣроятнымъ или же просто нѣпросто фантастическимъ. Случайное подтвержденіе того, что не мнѣ одному аналогія рѣзко бросалась въ глаза, я нахожу въ купленной здѣсь на дняхъ трехтомной книгѣ епископа Хебера, которая издана, когда о нашемъ наступательномъ воссоединеніи съ Азіей англичане серьезно и не помыш-

ляли. Замѣтки названнаго автора относятся къ двадцатымъ годамъ, послѣ того какъ онъ посѣтилъ Россію и проѣхалъ ее отъ столицы до южныхъ границъ, оставаясь подъ неизгладимымъ впечатлѣніемъ церквей и палатъ Кремля, подобіе коего иногда ему чудится потомъ въ Индіи при видѣ иного колоссальнаго сооруженія. Духомъ старой Москвы повѣяло на Хебера, лишь только онъ вступилъ на бенгальскую почву. Раджпутскіе и маратскіе вершники, сопровождавшіе его въ теченіе оффиціальныхъ передвиженій по гигантской епархіи, показались ему схожими съ кубанскимъ казачествомъ: видно, недаромъ въ Индостанѣ принято именовать «козаками» тамошнихъ смѣлыхъ конныхъ, а то даже пѣшихъ воиновъ (напр. джатовъ, во главѣ которыхъ до сихъ поръ выдѣляется бартпурскій махараджа у Агры, своевременно являвшійся съ визитомъ къ Августѣйшему Атаману казачьихъ войскъ), которые воспитаны поэзіей непрерывнаго боеваго напряженія и удалыхъ наѣздовъ.

Безъ сомнѣнія чѣмъ глубже стануть всматриваться въ индійскую исторію и въ индивидуальныя качества населяющихъ ея полуостровъ расъ, тѣмъ опредѣленнѣе могутъ сдѣлаться извѣстные тезисы объ этой странѣ, вызывающей въ насъ все болѣе и болѣе какъ-бы инстинктивный интересъ. Разъ что понятія «Россія» и «Востокъ», — подразумѣвая подъ послѣднимъ совокупность культурныхъ особенностей ислама, браманизма, буддійскихъ развѣтвленій, конфуціанства и т. п. поставлены будутъ исторіософами въ одну органически цѣльную группу жизненно стойкихъ народовъ, — ихъ одинаково рѣзкое отличіе отъ западныхъ націй съ ихъ минувшимъ и настоящимъ ясною истиной мало по малу скажется всякому безпристрастному наблюдателю.

Хотя на первый взглядъ очень трудно уловить между Россіей и Индіей что-нибудь общее въ историческомъ отношеніи, а тѣмъ болѣе представляется невозможнымъ проводить между столь далекими и по видимому столь не однородными странами основанную лишь на нѣкоторыхъ крайне любопытныхъ фактахъ параллель, тѣмъ не менѣе намѣтить ее, рано или поздно, кому-нибудь все равно бы пришлось, — почему именно русскому умѣстиѣ, значитъ, привести подобныя мысли въ извѣстную связь, особенно подъ тѣмъ знойнымъ небомъ, которое разстилается теперь надъ нашей головою.

Несмотря на то, что обозрѣваемый Его Императорскимъ Высочествомъ обширнѣйшій край въ сущности представляетъ собою самую смѣшанную, пеструю амальгаму народностей, вѣрованій и культуръ, — онъ всетаки, въ своихъ главнѣйшихъ основахъ, строго отмѣченъ отпечаткомъ арійскаго духа. Этотъ духъ очень давнихъ и горделивыхъ пришельцевъ, постепенно колонизировавшихъ страну, передавался и передался въ теченіе вѣковъ отдаленнѣйшимъ областямъ и даже уголкамъ Индіи. Этотъ духъ неискоренимо жилъ и живетъ въ сердцахъ большинства ея обитателей. Сами англичане указываютъ, какъ на несомнѣнную и характерную истину, что они отвоевали и отняли ее не у мусульманскихъ правителей, а у языческихъ князей, такъ какъ въ прошломъ и нынѣшнемъ вѣкѣ индуизмъ (въ лицѣ маратовъ, а затѣмъ отчасти и сикховъ) безспорно занялъ первенствующее мѣсто на своей великой родинѣ. Подобная живучесть свидѣтельствуетъ о глубинѣ національнаго сознанія (въ широкомъ смыслѣ слова) даже среди народовъ, разобщенныхъ и какъ-бы ненавидящихъ другъ друга. Какая-то незримая сила постоянно составляла и упорно составляетъ подпочву всего, на чемъ зиждется, вырастаетъ, развивается и, даже погибая, принимаетъ тождественный по идеѣ преобразованный видъ крайне сложная психическая жизнь болѣе чѣмъ 200 милліоновъ туземцевъ.

Борющіеся съ автохтонами Пятирѣчья и Деккана, мощные арійцы Ведъ и позднѣйшаго индійскаго эпоса — тѣ же славяне, осѣдающіе по лѣсамъ и у рѣкъ доисторической Россіи, гдѣ уже издревле разсѣяно множество инородческихъ элементовъ, напоминающихъ

чернокожую своеобразно цивилизованную «чудь», которую кшатрии принимались истреблять, а брамины и пахари силились обратить, углубляясь въ глушь неизвѣданнаго полуострова, Какъ только этотъ двоякій внѣшній и внутренній процессъ тамъ совершился до извѣстнаго предѣла (и у насъ встарь князья съ дружиною при малѣйшей нуждѣ охотно искореняли «нечистыхъ» инородцевъ, пока шедшій въ дебри крестьянинъ и пламенѣвшій ревностью миссіонеръ подготавливали грядущее сближеніе и сліяніе), на Индію сталъ наступать грозный и труднопримиримый степной Туранъ, единовременно двигавшій свои варварски-хищныя орды на Удѣльную Русь. И тамъ, и тутъ результатъ подобнаго вторженія и вліянія грубыхъ началъ на основы государственнаго строя и народнаго быта привелъ къ невольному самоуглубленію и неисчерпаемый по составу браминскій міръ, и наше отягченное «ношей крестной», многострадальное великорусское племя. Затѣмъ, съ обѣихъ сторонъ, началась реакція, едва замѣтная на глазъ, но чрезвычайно послѣдовательная и знаменательная по своему творческому напряженію. Въ эпоху, когда Индостанъ и Московское царство, поверхностно судя, сильно поддались басурманскимъ обычаямъ, слегка потеряли арійскій обликъ, отчасти приняли совершенно туранскую окраску (что между прочимъ выразилось хотя-бы напр. въ томъ, какъ сложилась высшая придворная жизнь въ Бѣлокаменной и въ послѣднемъ Дѣли, вознесшемся къ славѣ при помощи раджпутскаго меча и даровитости подданныхъ — индусовъ), — характеръ обоихъ дворовъ, ихъ отношенія къ иноземщинѣ, полуварварская роскошь и до щепетильности доведенный этикетъ — все дышетъ далеко не случайнымъ сродствомъ и олицетворяетъ глубокій Востокъ, въ которомъ больше ассиро-вавилонскаго и скиѣскаго, чѣмъ славянскаго или вообще европейскаго. И вдругъ нѣдра Россіи, а за Гималаями Декканъ (преимущественно же конканское побережье) приблизительно въ тотъ же періодъ просыпаются съ расширеннымъ сознаньемъ.

Средняя Азія, въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ тревожившая и насъ, и Пятирѣчье немолчнымъ прибоемъ безпокойныхъ степей, мало по малу почувствовала незыблемую стѣну передъ собою, — живую стѣну сплотившихся бойцевъ — арійцевъ (по языку и культурѣ), рѣшившихъ отбросить и умалить ненавистный Туранъ. Подобно русской вольницѣ и отважной голытьбѣ, двигавшейся противъ него въ качествѣ передовыхъ застрѣльщиковъ, свободолюбивые сикхи страшными ударами потрясли исламъ, съ юга же отъ Дѣли (словно изъ нашихъ центральныхъ губерній) стали неотразимѣе и неотразимѣе наступать когда-то мирные и добродушно настроенные мараты, безсознательно выросшіе до степени героевъ и носителей національнаго, довольно еще туманнаго идеала. Отъ престижа Моголовъ, отъ преобладанія тюркской расы вскорѣ сохранилась одна (и то расплывающаяся!) тѣнь. Индуизмъ торжествовалъ, смѣло могъ праздновать побѣду, обѣщалъ обратить родные ему края въ нѣсколько федеративныхъ государствъ древне-языческаго типа, со здоровой въ корнѣ основой. Если бы это дѣйствительно случилось, то въ предѣлахъ страны, имѣющей религіознымъ центромъ Бенаресъ, въ непродолжительномъ времени, быть можетъ, начала бы вырабатываться непринужденная и самостоятельная потребность къ образованію, просвѣщенію, гуманизму и. т. п. (что въ виду свойственной народамъ Востока быстротѣ воспримчивости, отъ разумнаго соприкосновенія съ европейской цивилизаціей, легко дало бы тѣ же плоды, какъ и у насъ при зарожденіи наукъ и искусствъ съ XVIII на XIX столѣтіе). Но судьба судила иное. Юная, возроставшая изъ праха, независимая по духу и вѣрная исконнымъ традиціямъ Индія испытала новое паденіе вслѣдствіе прихода и воцаренія въ ней горсти пришельцевъ — эксплуататоровъ съ Запада. Всѣ тѣ бѣды, которыя могли насъ ожидать, если бы Россія полтора-два столѣтія назадъ, шагнувъ

на пути прогресса, не высвободилась бы рѣшительно и безповоротно изъ-подъ непрошенной опеки заграничныхъ авантюристовъ, привыкшихъ зачастую смотрѣть на наше отечество точно на тучную ниву, съ которой имъ дозволено жать, ничего не сѣючи и не вспахавъ, — всѣ эти бѣды, повторяю, какъ-бы незамѣтно обрушились на несчастную родину буддизма. Летаргическій сонъ оковалъ ее на два-три поколѣнія. Пока тождественный съ ней по историческому складу сѣверный колоссъ развернулся и все еще съ каждымъ днемъ развертывается, открывая накопленное за 1000 лѣтъ психическое наслѣдіе борьбы и взаимоотношеній съ финно-монголо-татарскими наслоеніями, — Индія нѣмѣетъ подъ гнетомъ своихъ беспочвенныхъ университетовъ и прочихъ дорого стоящихъ, но энергично прививаемыхъ благъ... За то сколько ироніи таится въ словахъ: «туземные конгрессы», «туземная необуздываемая печать», наконецъ «туземныя права быть гражданами великой колоніальной имперіи»!...

Раньше чѣмъ излагать мысли, составляющія такъ-сказать органическое продолженіе намѣченнаго на этихъ страницахъ, любопытно вкратцѣ помедлить надъ основной чертой туземнаго строя и всего внутренняго міра языческой среды.

Вѣротерпимость индусовъ, не смотря на всѣ крайности ихъ кастовыхъ предразсудковъ и самоограниченія, лучше всего проявляется въ томъ явленіи, что они, будучи по природѣ глубоко убѣжденными въ божественномъ происхожденіи своей собственной религіи, тѣмъ не менѣе охотно допускаютъ, будто и мусульманамъ вѣра ихъ могла быть дана отъ Бога, что и христіане исповѣдуютъ святое ученіе, обновляющее ихъ жизненный строй и т. д. По мнѣнію индусовъ (да и вообще восточныхъ народовъ) всѣмъ людямъ подобаетъ оставаться въ той вѣрѣ, въ какой они родились. На базарахъ любого большого города осматриваемой нами страны въ продажѣ, говорятъ, есть картинки, ясно свидѣтельствующія о томъ, до чего полны эклектизма умы современныхъ язычниковъ-браманистовъ: напримѣръ, тамъ бываетъ изображенъ человекъ съ восемью руками, изъ коихъ каждая — различнаго цвѣта и обозначаетъ «восемь верховныхъ учителей міра». Шесть изъ нихъ: Брама, Вишну, Шива, Кришна, Кали и Дурга — божества, наиболѣе близкія и понятныя фантазіи туземцевъ; седьмая и восьмая длань, держащая по книгѣ, характеризуютъ Христа-Спасителя и создавшаго Коранъ Магомета.

Настроеніе индуся — чрезвычайно миролюбиваго свойства и потому, отнюдь не желая относиться съ какимъ-нибудь насиліемъ къ чужимъ вѣрованіямъ, онъ и самъ проситъ только объ одномъ, чтобы ему не мѣшали вѣрить, какъ онъ признаетъ это для себя спасительнымъ. Знающіе народъ не только по его нынѣшнимъ взглядамъ и наклонностямъ, а также и по его исторіи, утверждаютъ, будто индуся въ прежнее время въ сущности были гораздо фанатичнѣе. Различныя секты свирѣпо боролись другъ съ другомъ, превозносимые толпою кумиры словно жаждали исключительнаго значенія и преобладанія передъ другими. Жречество скорѣе поддерживало, чѣмъ смягчало подобный разгаръ религіозныхъ страстей.

Понемногу, однако, страшный разладъ умолкъ и затихъ. Теперь индуся, хотя бы онъ и ненавидѣлъ въ душѣ иной обрядъ, кажушійся ему противнымъ и достойнымъ презрѣнія, тѣмъ не менѣе спокойно смотритъ на его совершеніе и открыто не протестуетъ. Люди, посвятившіе себя, напримѣръ, служенію, не допускающему кровопролитія и лишенія жизни, — почитая свѣтлаго небожителя Вишну, тѣмъ не менѣе за деньги принимаютъ

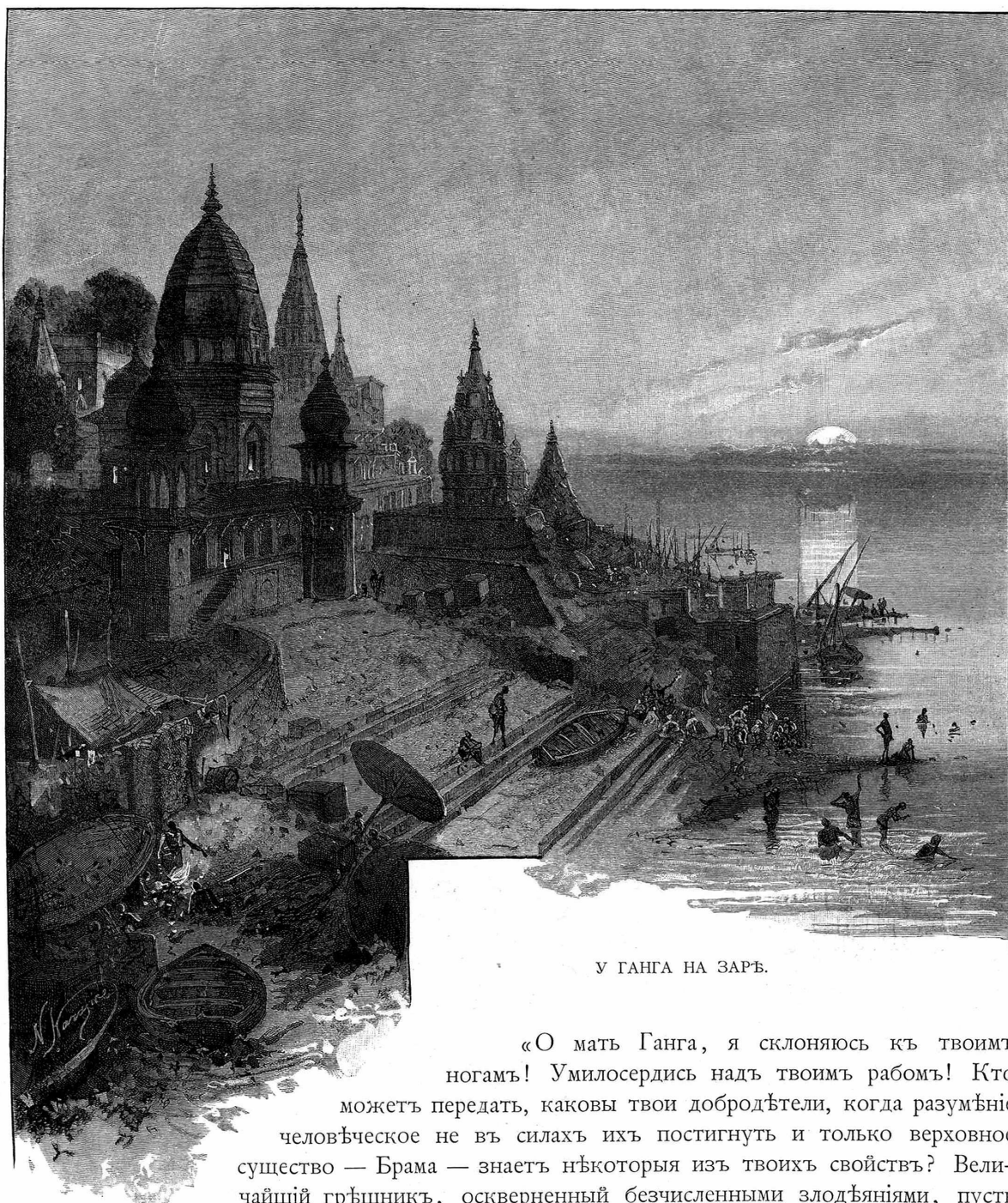
участіе въ жертвоприношеніяхъ кровожадной богинѣ Дургѣ. Старые брамины, не лишенные извѣстнаго рода начитанности и даже учености, нерѣдко приносятъ въ даръ своему избранному божеству какія-нибудь установленныя жертвы и параллельно съ тѣмъ бросаютъ горсть рису чужимъ богамъ, какъ-бы признавая, что за предѣлами нашего познания есть много непостижимыхъ силъ, жить въ ладу съ которыми намъ и полезно, и необходимо. Не этимъ-ли объясняется, что различные религіозные памятники Индіи, — гдѣ только къ нимъ не прикасалась рука мусульманъ-разрушителей или не въ мѣру ревностныхъ португальцевъ, — въ теченіе ряда вѣковъ сохранялись почти нетлѣнными; хотя одинъ побѣдившій культъ уже успѣвалъ смѣниться другимъ и въ иныхъ мѣстностяхъ, по видимому, некому было пещись о сохраненіи предметовъ упраздненной вѣры и совершенно невѣдомаго искусства. Тѣмъ не менѣе населеніе, вѣруя въ новыхъ боговъ, умѣло съ благоговѣніемъ относиться и къ тѣмъ, которыхъ постигало забвеніе. Обожаніе вещества, принявшаго какую-нибудь законченную и канонически установленную форму, до того казалось важнымъ и неизбѣжнымъ для индуса, что едва-ли не этимъ можно главнѣйшимъ образомъ объяснить, почему многія архитектурныя и скульптурныя созданія древности въ первобытной красотѣ дошли до нашихъ дней.

Сегодня престоить увидѣть впервые сожиганіе труповъ на берегу Ганга. Страшный обрядъ требуетъ нѣкоторыхъ поясненій и оправданій.

Индусское міросозерцаніе ни въ чемъ такъ самобытно не выражается, какъ во взглядѣ на смерть, на отношенія къ умирающимъ и къ усопшимъ. Европейцы присутствуютъ на странномъ зрѣлищѣ, гдѣ народъ, — среди котораго любовь родителей къ дѣтямъ, дѣтей къ родителямъ и т. д. глубока и трогательна, — при мысли, что кто-нибудь близокъ къ кончинѣ, прежде всего заботится не о борьбѣ съ тяжкимъ недугомъ, поразившимъ любимое существо, не объ охраненіи его спокойствія и не объ облегченіи его послѣднихъ минутъ, но прежде всего о спасеніи и успокоеніи его души. Изъ всей утомительно-сложной обрядности, соблюденіе которой индусъ считаетъ для себя обязательнымъ, долгъ по отношенію къ разстающимся съ жизнью и къ покойникамъ наиболѣе кажется, съ нашей точки зрѣнія, дикимъ (!) и суровымъ.

Согласно ученію браминской религіи, какъ-бы ни былъ грѣшенъ человѣкъ, достаточно ему умереть на берегахъ священнаго Ганга или другой какой-нибудь высоко чтимой рѣки, — а то и прямо даже у связаннаго съ ними водохранилища, — и духъ такого счастливца можетъ достигнуть блаженства въ новой жизни. Стоитъ бросить въ спасительныя воды хоть частицу трупа, и это уже послужитъ на благо душѣ умершаго. Такъ какъ поведеніе отдѣльнаго лица не всегда отличается степенью праведности, требуемой для счастливаго дальнѣйшаго возрожденія, то родственники опасно заболѣвшаго, видя приближеніе смерти, прежде всего торопятся принести его къ священной влагѣ. Поступить иначе значило-бы навлечь и на него, и на себя много бѣдствій въ будущемъ. Соблюденіе обычая особенно сильно развилось за послѣдніе три-четыре вѣка; оно исходитъ изъ того глубокаго вѣрованія, что рѣка Гангъ (skr. Ganga), жена бога Шивы, проникнута всеисцѣляющею и всеискупляющею святостью. «Ганга», какъ ее называютъ туземцы, сошла съ небесъ; прикасающіеся къ ней, обмывающіеся въ ея струяхъ, погружающіеся въ ея чистое лоно — тѣмъ самымъ какъ-бы приобщаются къ лучшей жизни, къ блаженному существованію, однимъ словомъ къ безгрѣшной радости и живительной тишинѣ

обителѣй рая. Воззванія индусовъ къ умиротворяющей ихъ души рѣкѣ положительно свѣтятся дѣтской вѣрою въ ея благотворное начало:

У ГАНГА НА ЗАРѢ.

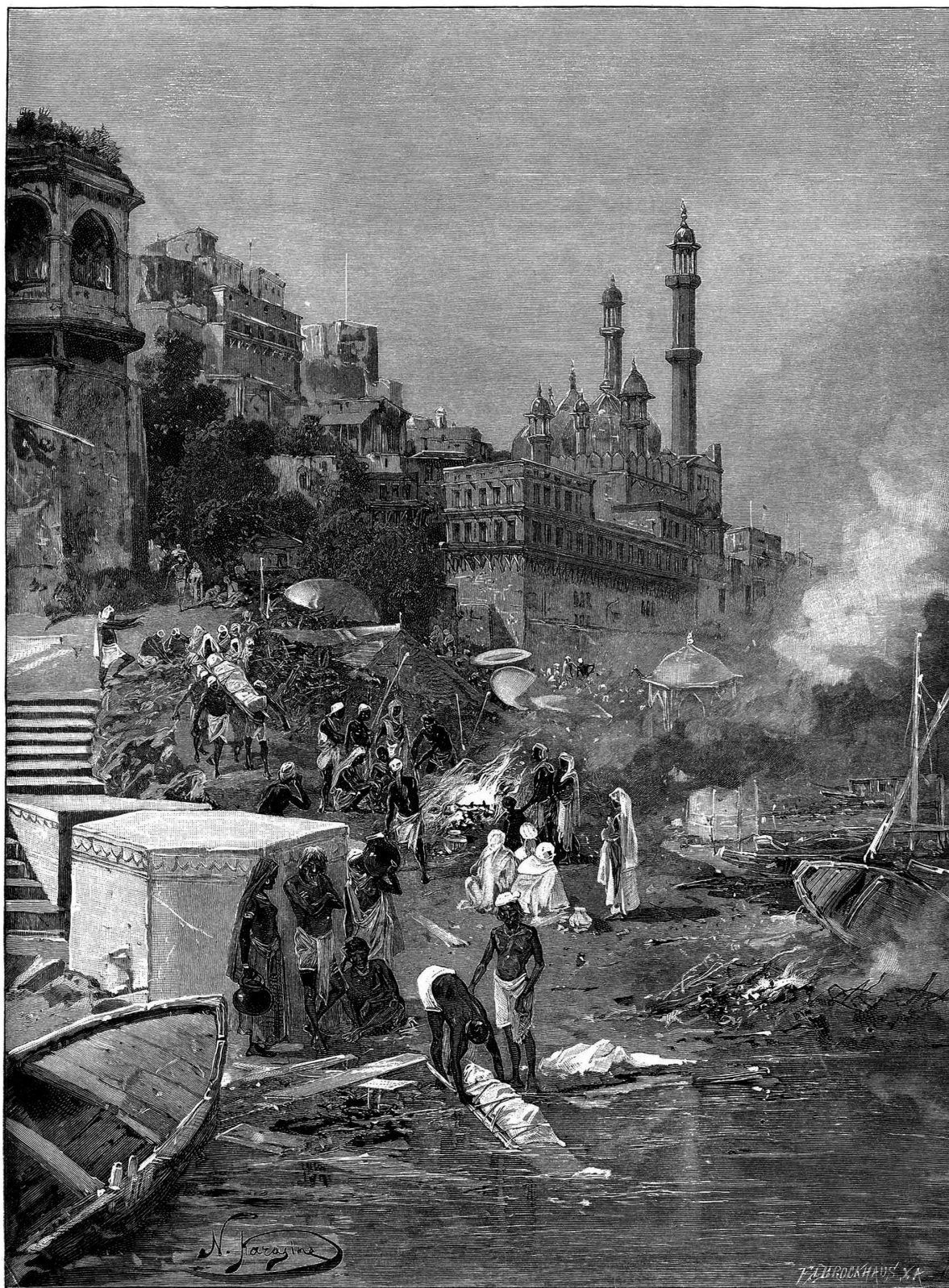
«О мать Ганга, я склоняюсь къ твоимъ ногамъ! Умилосердись надъ твоимъ рабомъ! Кто можетъ передать, каковы твои добродѣтели, когда разумѣнїе человѣческое не въ силахъ ихъ постигнуть и только верховное существо — Брама — знаетъ нѣкоторыя изъ твоихъ свойствъ? Величайшій грѣшникъ, оскверненный безчисленными злодѣянїями, пусть только произнесетъ твое имя... и онъ очистится, возродится среди небесныхъ жилищъ. Ты одна справедливо называешься «источникомъ счастья», «спасительницею людей». Безконечны тѣ средства, которыя въ твоей власти. Омывающійся

въ твоихъ струяхъ не только самого себя спасетъ, но очищаетъ также духъ своихъ предковъ, предковъ своей матери, предковъ своей жены. Ты — елиновременно и вещество, и не вещество, — ты заразъ и проста, и крайне сложна, — ты — вѣчное начало всего.»

Какъ глубока должна быть вѣра индуса въ чудотворныя качества рѣки, видно, хотя бы изъ того, что въ народѣ живетъ убѣжденіе, будто даже людямъ, отдаленнымъ отъ Ганга на многія сотни верстъ, стоитъ вспомнить святое имя богини и этимъ спастись! Каждому умирающему слѣдуетъ лишь подумать о великой рѣкѣ, и мѣсто въ раю Шивы для него обезпечено! Если человѣкъ отправляется изъ дому, чтобы выкупаться въ Гангѣ и умираетъ по дорогѣ, — одно уже доброе намѣреніе засчитывается ему въ заслугу, словно бы онъ дѣйствительно совершилъ установленныя омовенія. Такіе ужасные для браминиста грѣхи, какъ напр. умерщвленіе своихъ духовныхъ наставниковъ или коровъ, какъ напр. пристрастіе къ одуряющимъ напиткамъ и т. п. прощаются человѣку отъ прикосновенія къ божественнымъ водамъ, если погружающіеся въ нихъ мысленно каются въ содѣянномъ. Народная религія учитъ, что всякій червячекъ, или насѣкомое, или растеніе, находящіеся на берегахъ дивной рѣки и падающіе въ нее, въ случаѣ смерти, затѣмъ болѣе не возрождаются, а прямо сливаются съ Брамой. Даже кончающіе самоубійствомъ, утопая въ волнахъ Ганга, непременно удостоиваются конечнаго блаженства. Если чье-нибудь тѣло, въ моментъ кончины, на половину погружено въ божественную влагу, душа въ воздаяніе того тысячу тысячъ лѣтъ будетъ блаженствовать въ раю.

Фантазія туземца ищетъ даже въ разныхъ сказкахъ поясненія, что случается съ тѣми тварями, которыя случайно попадаютъ и тонутъ въ Гангѣ. Напр. какъ проста и мила одна повѣсть о маленькой птичкѣ, гнѣздившейся подъ широколѣстивымъ деревомъ, вблизи рѣки! Однажды свирѣпая буря вырвала его съ корнемъ и птичка, унесенная порывомъ урагана, погибла въ водоворотѣ. . . Но вотъ она возрождается на небѣ, становится одною изъ царицъ Индры. Блаженствовать тамъ ей, однако, приходится короткое время, потому что, какъ только ея крошечное тѣло быстро разложилось въ водѣ на мельчайшія частицы, и душѣ птички, соотвѣтственно съ этимъ, необходимо было снова возродиться въ какой-нибудь иной земной оболочкѣ. Индра, отпуская свою царицу, спросилъ ее, какую внѣшность она хочетъ выбрать для этой новой жизни и она выбрала съ умысломъ тѣло слона, такъ какъ его гигантское туловище, а особенно кости, и послѣ смерти долго не могутъ разложиться. Душа прежней птички (она же и душа одной изъ царицъ бога Индры), родившись у Ганга въ формѣ слона, нарочно пребывала до смерти на берегу рѣки: потомъ трупъ упалъ въ протекавшія мимо струи и безплотная тѣнь отлетѣла опять въ небо Индры, для вкушенія блаженства, на безчисленное число лѣтъ.

Когда туземные врачи признаютъ положеніе какого-нибудь больного безнадежнымъ, его друзья и родственники немедленно рѣшаются «отдать его Гангу». Никому и въ голову не приходитъ, что можно отсрочить часы кончины, усугубить борьбу съ недугомъ, отвоевать заболѣвшаго у смерти. «Жизнь и смерть», — разсуждаютъ они, — «во власти боговъ, но отъ насъ зависитъ отнести умирающаго къ священнымъ водамъ». Больного кладутъ поэтому на носилки, — если темно, его выносятъ при свѣтѣ факеловъ, вообще торопятся впередъ, опасаясь, какъ-бы несомый ими не умеръ по дорогѣ. Можно себѣ представить, до чего несчастный долженъ страдать нравственно отъ стремительности

БЕНАРЕСЪ.

